Крауч-Энд

Автор:
Стивен Кинг

Крауч-Энд

Стивен Кинг

«В третьем часу ночи женщина наконец ушла. Вернее, почти в половине третьего. Темная сонная улица Тоттнхэм-лейн за окнами полицейского участка в предместье Крауч-Энд напоминала мелкую пересохшую речку. Лондон спал… но Лондон всегда спит чутко, и снятся ему беспокойные сны.

Констебль Веттер закрыл блокнот, исписанный почти весь вслед за странным, безумным рассказом американки. С тоской взглянул на пишущую машинку и кипу бланков на полочке рядом…»

Стивен Кинг

Крауч-Энд

[1 - Cpouch End. © Перевод. Покидаева Т.Ю., 2000.]

В третьем часу ночи женщина наконец ушла. Вернее, почти в половине третьего. Темная сонная улица Тоттнхэм-лейн за окнами полицейского участка в предместье Крауч-Энд напоминала мелкую пересохшую речку. Лондон спал… но Лондон всегда спит чутко, и снятся ему беспокойные сны.

Констебль Веттер закрыл блокнот, исписанный почти весь вслед за странным, безумным рассказом американки. С тоской взглянул на пишущую машинку и кипу бланков на полочке рядом.

– Здесь работы почти до утра, – сказал он.

Констебль Фарнхэм сосредоточенно пил кока-колу.

Он долго молчал.

– Она ведь американка, правильно? – сказал он наконец, как будто этим все объяснялось.

– Пойдет в нераскрытое. – Веттер огляделся в поисках сигарет. – Но интересно…

Фарнхэм расхохотался.

– Только не говори мне, что ты ей поверил! Это же полный бред!

– А я разве что-то такое сказал? Вовсе нет. Но ты тут еще новичок.

Фарнхэм выпрямился. Ему двадцать семь, и он не просил, чтобы его переводили сюда из Масвелл-Хилл, и уж конечно, он не виноват, что Веттер, который годится ему в папаши, провел всю свою «выслугу лет» – наверняка не богатую на события – в тихом лондонском пригороде под названием Крауч-Энд.

– Может быть, – сказал он. – Но при всем уважении к вашим сединам, прошу заметить, что я все-таки не идиот и могу отличить полный бред, когда я что-то такое вижу… или слышу.

– Ладно, приятель, не заводись. Лучше дай закурить, – попросил Веттер, пряча улыбку. – Вот спасибо! Хороший ты парень. – Он прикурил от спички из большой красной коробки, потом задул спичку и рассеянно бросил ее в пепельницу Фарнхэма. Пристально посмотрел на парня, щурясь сквозь облачко сизого дыма. Сам он давно не молод и явно пообтрепался с годами: все лицо избороздили морщины, а на носу проступили багровые узелки, как у старого пьяницы. За вечер старина Веттер запросто добивает свою упаковочку крепкого пива, такие вот дела. – Ты, может быть, думаешь, Крауч-Энд – это такое спокойное, тихое, скучное место?

Фарнхэм пожал плечами. По правде сказать, он считал Крауч-Энд этакой «задницей мира», как любил выражаться его младший брат.

– Да, – продолжал Веттер. – Именно так ты и думаешь. И ты прав. Спокойное, тихое, скучное место, где в одиннадцать вечера все уже дрыхнут. Только я тут навидался такого… И если ты здесь продержишься хотя бы половину моего срока, и на твою долю тоже достанется странностей. В этом тихом и скучном предместье на шесть – восемь кварталов творится такая петрушка, что все остальные районы просто отдыхают… я понимаю, звучит слишком уж монументально, но это так. И меня это пугает. И почему я накачиваюсь пивком – чтобы было не так страшно. Ты хоть раз задавался вопросом, почему сержант Гордон совсем седой, хотя ему только сорок? Или возьмем вот беднягу Петти… ты вот взгляни на него… то есть это я так выражаюсь: «взгляни на него»… теперь на него уже можно глянуть. Он покончил с собой летом семьдесят шестого. В то горячее лето. Это было… – Веттер умолк на мгновение, подбирая слова. – В общем, поганое было лето. Очень поганое, да. Многие наши боялись, что их затянет туда.

– Чего боялись? Куда затянет? – Фарнхэм презрительно усмехнулся краешком рта. Он понимал, что это невежливо, но просто не мог удержаться. По его скромному мнению, Веттер несет полный бред. Как и та сумасшедшая американка. Он всегда был слегка не в себе. От пьянства, наверное. А потом он заметил, что Веттер глядит на него.

– Думаешь, старый хрыч головой повернулся? – спросил он с улыбкой.

– Да нет, вовсе нет, – горячо возразил Фарнхэм, тяжко вздохнув про себя.

– Ты славный парень, – сказал Веттер. – В моем возрасте ты не будешь сидеть за столом в такой вот дыре на окраине города. Тебя ждет хорошее будущее, если, конечно, ты не уйдешь из полиции. А ты не уйдешь, как мне кажется. Правильно?

– Да.

Фарнхэм действительно не собирался уходить из полиции. Он намеревался остаться, пусть даже Шейла нудит, что ему нужно найти себе что-нибудь побезопаснее, чтобы она не тряслась за него каждый день. Например,

устроиться на конвейер к Форду. Вот только Фарнхэма начинало подташнивать при одной только мысли о том, чтобы всю жизнь проторчать на конвейере.

– Так я и думал. – Веттер выпустил дым и затушил сигарету в пепельнице. – Это уже в крови, правильно? Я всегда говорил: полицейским надо родиться. Как мне кажется, ты далеко пойдешь и закончишь свою карьеру уж никак не в таком скучном унылом месте, как наш Крауч-Энд. Но все равно ты еще многого не знаешь. Крауч-Энд – непростое местечко. Как-нибудь будет время – загляни в нераскрытые, Фарнхэм. У нас здесь полно нераскрытых дел. Ну… в основном это, конечно, обычная мутота… мальчики-девочки убегают из дома в хиппи или в панки, или как там они сейчас обзываются, я не знаю… пропадают мужья (а как глянешь на женушек, сразу становится ясно, с чего бы им вдруг пропадать)… поджоги… сумочку вырвали… все такое. Но среди этого хлама попадается и такое, что кровь стынет в жилах. А иной раз и тянет блевать.

– Серьезно?

Веттер кивнул.

– И там есть очень похожие на тот случай, о котором нам только что рассказала эта американочка. Бедная девочка… она больше уже никогда не увидит мужа, помяни мое слово. – Он взглянул на Фарнхэма и пожал плечами. – Хочешь верь, хочешь нет. Я все равно знаю, о чем говорю. Папки с нераскрытыми в том шкафу. Мы их называем «открытыми». Звучит не так эпохально, как «нераскрытые». И мягче, чем «полный абзац, поцелуй меня в задницу». Ты почитай их, Фарнхэм. Почитай.

Фарнхэм промолчал, но про себя решил, что как-нибудь обязательно их почитает. Если там целый сборник историй, подобных той, что сейчас рассказала эта американа… то, наверное, оно того стоит. Хотя бы по приколу.

– Иногда, – сказал Веттер, потихонечку вынимая из пачки Фарнхэма еще одну сигарету, – я начинаю задумываться об измерениях.

– Измерениях?

– Да, сынок, измерениях. Не зря же фантасты как будто взбесились насчет измерений. Ты вообще читаешь фантастику, Фарнхэм?

– Нет, – сказал Фарнхэм.

Ему показалось, что Веттер над ним издевается.

– Лавкрафта, скажем, читал?

– Вообще о таком не слышал, – сказал Фарнхэм. Последняя книжка, которую он читал для развлечения, представляла собой стилизацию под роман викторианской эпохи и называлась «Два джентльмена в шелковых панталонах».

– Так вот, этот самый Лавкрафт очень много писал о других измерениях, – продолжал Веттер, доставая спички. – О других измерениях, которые соприкасаются с нашим. Там живут такие бессмертные чудища, которые одним своим видом могут свести человека с ума. Чушь, конечно. Но знаешь… когда к нам в участок врывается кто-то из этих людей с выпученными глазами, я начинаю задумываться… а уж такая ли это чушь. И вот тогда мне приходят совсем уж странные мысли. И особенно ночью, когда за окнами темно, как сейчас. Например, что наш мир – такой уютный, нормальный, разумный мир, – похож на большой кожаный мяч, надутый воздухом. Но в каких-то местах эта кожа сильно протерлась. И барьеры там тоньше и уязвимее. Понимаешь?

– Ага, – сказал Фарнхэм, но про себя подумал: Поцелуй меня в задницу, старый хрыч… у меня всегда возникает желание поиметь поцелуйчик в то самое место, когда меня держат за дурака.

– И тогда я думаю: «Наш Крауч-Энд – как раз такое тонкое место». Глупо, конечно, я все понимаю. Но иногда я так думаю. Наверное, у меня просто больное воображение. Мама всегда говорила, что я фантазер.

– Правда?

– Ага. И знаешь, что я еще думаю?

– Нет, сэр. Понятия не имею.

– Я думаю: с Хайгейтом все в порядке. В Масвелл-Хилле и Хайгете толщина между нами и измерениями как раз такая, какая надо. Но вот, скажем, Арчвей и

Финсбери-Парк… они тоже граничат с Крауч-Эндом. У меня там приятели очень хорошие, и они в курсе, что я малость интересуюсь всякими такими вещами, которые не находят разумного объяснения. Например, сумасшедшими историями, которые нам тут иной раз рассказывают. Причем, заметь, этим людям вроде бы не за чем сочинять всякие ужасы. Они от этого ничего не выигрывают. Тебе не приходило в голову, Фарнхэм, с чего бы вдруг эта женщина рассказала нам такую историю… выдумывать ей без надобности. Значит, все это правда.

– Ну…

Веттер зажег спичку и взглянул на Фарнхэма поверх крошечного язычка пламени.

– Красивая молодая женщина двадцати шести лет, двое детишек в отеле, муж – молодой преуспевающий адвокат в Милуоки или где там еще. Что она выигрывает от того, что врывается посреди ночи в полицейский участок и рассказывает историю, больше похожую на сценарий для какого-нибудь фильма ужасов?

– Я не знаю, – натянуто проговорил Фарнхэм. – Но должно быть какое-то объясне…

– Вот я и подумал, – перебил его Веттер, – что если они существуют, эти «тонкие места», то одно из них точно находится где-то в Арчвее или Финсбери-Парке… то есть там оно только-только начинает себя проявлять… а самая тонкая его часть расположена здесь, в Крауч-Энде. И у меня возникает вопрос: а что, если однажды кожа между нашим миром и тем миром, который прячется изнутри, окончательно изотрется? Может быть, так все и будет… если хотя бы половина из того, что рассказала нам эта американка, правда.

Фарнхэм молчал. Про себя он решил, что констебль Веттер точно малость того. Может быть, он еще верит во френологию, хиромантию и этих… как их… розенкрейцеров.

– Почитай нераскрытые дела, – сказал Веттер, вставая. Он потянулся, схватившись руками за поясницу, и в спине у него явственно хрустнуло. – Пойду немного проветрюсь на улицу.

Он вышел. Фарнхэм проводил его взглядом, в котором насмешка мешалась с легким презрением и искренним возмущением. Нет, Веттер точно немного тронутый. И вечно стреляет у всех сигареты. А сигареты нынче недешевы – в этом дивном новом мире всеобщего благосостояния и умеренного социализма. Он взял со стола блокнот Веттера и принялся перечитывать показания девушки.

Да, он обязательно почитает нераскрытые дела.

Смеха ради.

Девушка – или молодая женщина, как теперь принято говорить (и похоже, все американцы только так теперь и говорят; совсем уже чокнулись на своих общественно приемлемых выражениях) – влетела в участок в четверть одиннадцатого, вечером накануне. Вся такая растрепанная, со спутанными волосами и дико выпученными глазами. Сумку она волочила по полу, держа ее за ремень.

– Лонни, – заголосила она с порога. – Пожалуйста… вы должны найти Лонни.

– Ну, мы будем стараться, – отозвался невозмутимый Веттер. – Только сначала вы нам скажите, кто такой этот Лонни.

– Он умер, – выдохнула молодая женщина. – Я знаю, он умер.

Она расплакалась. Потом рассмеялась таким высоким надрывным смехом. Бросила сумку на пол. У нее началась истерика.

Как обычно под вечер по будним дням в участке было немного народу. Сержант Реймонд выслушивал показания женщины-пакистанки, которая почти с неземным спокойствием излагала, как у нее украли сумку на Хиллфилд-авеню – какой-то сопляк весь в футбольных татуировках и с панковским гребнем синих волос подлетел к ней прямо на улице и вырвал сумку из рук. Веттер увидел, как Фарнхэм вышел из приемной, где он снимал со стены старые плакаты (НАЙДЕТСЯ ЛИ В ВАШЕМ СЕРДЦЕ МЕСТЕЧКО ДЛЯ НЕЖЕЛАННОГО РЕБЕНКА?) и развешивал новые (ШЕСТЬ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОЙ ЕЗДЫ НА МОПЕДЕ ПО НОЧНОМУ ГОРОДУ).

Веттер подозвал к себе Фарнхэма и сделал знак Реймонду – который немедленно встрепенулся, заслышав истерические вопли американки, – чтобы тот занимался своим делом. Сержант Реймонд, известный своим пристрастием ломать пальцы воришкам-карманникам (в оправдание своих незаконных действий, явно попадающих под статью о превышении служебных полномочий, он обычно говаривал: «Да ладно, так им и надо, засранцам. И потом, пятьдесят миллионов китайцев вполне бы одобрили, так что вот»), категорически не годился для общения с женщиной, у которой истерика.

– Лонни! – надрывалась она. – Пожалуйста, сделайте что-нибудь… они забрали Лонни!

Женщина-пакистанка обернулась к молодой американке, смерила ее долгим спокойным взглядом, потом опять повернулась к сержанту Реймонду и продолжила свой безмятежный рассказ о том, как у нее украли сумку.

– Мисс… – начал было констебль Фарнхэм.

– Что здесь происходит? – прошептала она. Она дышала неровно, и сбивчиво, и часто-часто. Фарнхэм заметил у нее на левой щеке небольшую царапину. А вообще она была очень даже хорошенькая. Такая ладненькая, миниатюрная… с симпатичными грудками, пусть и маленькими, но зато крепкими и упругими, и роскошной копной каштановых волос с легкой рыжинкой. Одета не то чтобы очень дорого, но стильно и со вкусом. Правда, у одной из туфель отломился каблук.

– Что здесь происходит? – повторила она. – Чудовища…

Пакистанка опять обернулась к ней… и улыбнулась, показав гнилые зубы. Но улыбка тут же пропала, словно по мановению волшебной палочки, и пакистанка вновь повернулась к сержанту Реймонду, чтобы заполнить бланк заявления об утере и краже собственности.

– Фарнхэм, голубчик, сделай нам с барышней кофе и притащи его в третью комнату, – сказал Веттер. – Вы ведь выпьете кофе, милая?

– Лонни, – прошептала она. – Я знаю, он умер.

– Давайте мы сделаем так: пойдем в другой кабинет, сядем спокойно и во всем разберемся. – Веттер помог ей встать. Пока он провожал ее в другой кабинет, по-отечески приобняв за талию, она продолжала что-то бессвязно бормотать – глухим жалобным голосом. Ее походка была неровной и шаткой из-за отломанного каблука.

Фарнхэм сделал кофе, принес его в третью комнату – небольшой кабинет с белыми стенами и безо всяких излишеств: покорябанный стол, четыре стула и маленький холодильник в углу, – и поставил большую фарфоровую кружку перед молодой женщиной.

– Вот, милая, – сказал он. – Выпейте кофе, вам станет легче. Если вам нужен сахар…

– Я не могу это пить, – сказала она. – Не могу…

Но она все-таки взяла кружку – двумя руками. Как будто у нее озябли руки и она пыталась согреться. Руки у нее дрожали так сильно, что Фарнхэм испугался, что она расплескает кофе и обожжется. Надо бы ей сказать, чтобы она поставила кружку обратно на стол – от греха подальше.

– Я не могу, – повторила она, а потом отпила большой глоток, по-прежнему держа кружку двумя руками, как это делают дети, когда пьют что-то горячее из большой чашки. А когда она подняла глаза и взглянула на полицейских, вид у нее был совсем-совсем детский – усталый, трогательный и бесхитростный… и не испуганный даже, а какой-то затравленный. Как будто то, что случилось, потрясло ее настолько, что она просто забыла о том, что она – взрослая женщина, и превратилась в растерянного ребенка в стильном взрослом костюме. Словно чья-то невидимая десница протянулась с небес и отобрала у нее последние двадцать прожитых лет.

– Лонни, – сказала она. – Чудовища. Вы должны мне помочь. Пожалуйста, помогите мне. Может быть, он не умер. Может быть… Я гражданка Соединенных Штатов! – вдруг закричала она, а потом разрыдалась, как будто сказала какую-то постыдную непристойность.

Веттер погладил ее по плечу.

– Не надо, милая. Успокойтесь. Мы вам, конечно, поможем. И найдем вашего Лонни. Это ваш муж?

Она кивнула, все еще заливаясь слезами.

– Дании и Норма остались в отеле… у них приходящая няня… она их должна уложить… но они не заснут… будут ждать папу… чтобы папа их поцеловал перед сном…

– Пожалуйста, успокойтесь и расскажи по порядку, что произошло…

– И где это произошло, – добавил Фарнхэм.

Веттер быстро взглянул на него и нахмурился.

– Но в этом-то все и дело! – воскликнула американка. – Я не знаю, где это произошло! Я даже не знаю, что именно произошло… Но я знаю одно. Это было уж… ужасно!

Веттер достал блокнот.

– Как ваше имя, милая?

– Дорис Фриман. Мой муж Леонард Фриман. Мы остановились в отеле «Интерконтиненталь». Мы из Америки, американские граждане. – Похоже, на этот раз заявление о гражданском статусе немного ее успокоило. Она отпила еще кофе и поставила кружку на стол. Фарнхэм заметил, что у нее покраснели ладони. Ты это почувствуешь позже, милая, подумал он.

Веттер записывал все в свой блокнот. На мгновение он оторвался от записей, стрельнул глазами в Фарнхэма – этак мельком и ненавязчиво – и снова уткнулся в блокнот.

– Вы здесь в отпуске? – спросил он.

– Да… две недели здесь и одну в Испании. Мы собирались в Барселону… но это же не поможет найти Лонни! Зачем вы мне задаете все эти вопросы, такие

дурацкие?!

– Мы просто пытаемся оценить обстановку, миссис Фриман. И набираем исходные данные, – сказал Фарнхэм. И он, и Веттер говорили тихо и с расстановкой. Оба выбрали такой тон, не особенно даже об этом задумываясь. – Мы пока больше не будем задавать никаких вопросов. Расскажите нам сами, что произошло. Только все по порядку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Crouch End. © Перевод. Покидаева Т.Ю., 2000.

Купить: https://tellnovel.com/ru/stiven-king/krauch-end

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить